

Andrej Volos nasce nel 1955 nella Repubblica Socialista Sovietica del Tajikistan, a Stalinabad (oggi Dušanbe). Autore di diverse opere in lingue russe, nell'opera *Alfavita. Il libro delle corrispondenze* (2007) dà vita a una classificazione di oggetti, gruppi umani, tecniche e personaggi, catalogati in ordine e alfabetico. Come in una sorta di piccola enciclopedia, la struttura è internamente nutrita da rimandi ad altre "voci". "Alfa-vita" è un invito a riflettere sull'origine dell'esperienza umana a partire dalla prima lettera dell'alfabeto, un catalogo caleidoscopico in cui ogni lettore può plasmare il proprio mosaico e intraprendere un personale viaggio di rimandi e corrispondenze. Seguono tre tappe di un viaggio, tre "voci" tratte dall'opera: Nazionalità, Tagiki, Atlantide.

Национальность

Понятие весьма условное, что видно хотя бы из приведённого ниже примера.

В Гармском районе Таджикской ССР был расположен сейсмологический полигон Института физики Земли – сеть сейсмостанций, позволявшая отслеживать самые тонкие подвижки земной коры и отрабатывать новейшие научные методы прогноза землетрясений. Туда часто приезжали иностранцы. Может быть, полигон и сейчас действует, я не знаю.

В годы, о которых идёт речь, были в ходу пятиместные самолёты чешского производства "Морава" – одно пассажирское место впереди, рядом с лётчиком, три сзади. Как в такси. Потом один угнали лихие люди, и на этом эксплуатация этого чудного транспортного средства в СССР закончилась.

Американский сейсмолог по имени Дэйв прилетел из Москвы в Душанбе.

Он хорошо говорил по-русски. Его встретили в аэропорту и тут же посадили в "Мораву" – лететь в Гарм.

Пилот оказался приветливым и гостеприимным человеком. Ему было приятно показать иностранному гостю достопримечательности (см.) горной страны. Он специально петлял и закладывал виражи, чтобы можно было увидеть красоты какого-нибудь ущелья или озера. Я сам

Nazionalità

La nazionalità è un concetto molto relativo, almeno da quel che si evince dall'esempio seguente.

Nel distretto di Garm della Repubblica Socialista Sovietica Tagika era ubicato il sito osservatorio sismologico dell'Istituto di Fisica della Terra: una rete di stazioni sismiche che permetteva di monitorare i più lievi movimenti della crosta terrestre e di elaborare i metodi scientifici più all'avanguardia per prevedere i terremoti. Spesso vi arrivavano degli stranieri. Può darsi che il sito sia ancora in funzione, non saprei.

Negli anni in questione erano in uso aerei a cinque posti di produzione ceca, chiamati Morava: un posto davanti riservato al passeggero, accanto al pilota, e tre dietro. Come in taxi. Successivamente uno di questi aerei fu dirottato da alcuni criminali incalliti, e ciò segnò, in URSS, la fine dell'utilizzo di questo curioso veicolo.

Un sismologo americano di nome Dave arrivò da Mosca a Dušanbe.

Parlava bene il russo. Andarono ad accoglierlo all'aeroporto e lo fecero subito salire sul "Morava" per raggiungere Garm.

Il pilota si rivelò una persona affabile e ospitale. Era lieto di mostrare al visitatore

однажды летал на таком самолёте, и наш пилот делал то же самое.

Примерно на полпути они увидели внизу нечто необычное. По огромному полю носились люди на лошадях, пытаясь отобрать друг у друга что-то похожее на плотно набитый мешок. Пилот пояснил удивлённому американцу, что, должно быть, в кишлаке какой-то большой праздник – может быть, свадьба – и по этому поводу устроители организовали козлодрание – любимейшее развлечение таджикских мужчин. А мешок – это и есть туша козла. И предложил присесть ненадолго, чтобы познакомиться с интересным народным обычаем поближе.

Так и сделали. Их встретили с радостью. Праздник продолжился.

Американец и впрямь узнал много нового и интересного как о народных обычаях, так и о кулинарных традициях таджиков (см.).

Когда он добрался наконец до цели своего путешествия, то с восторгом рассказывал об увиденном приятелям-сейсмологам.

– Так интересно! – воскликнул он. – Ужасно интересно! Но самое главное! Представляете – там были одни таджики! Ну вот просто одни таджики! И только двое русских – я и лётчик!

straniero le bellezze (vd.) di quel paese montuoso. Volava a zig-zag e faceva delle virate appositamente per fargli apprezzare l'incanto di una gola o di un lago. Una volta ho volato anch'io su un aereo di questo tipo e il nostro pilota ha fatto la stessa cosa.

Mentre si trovavano all'incirca a metà strada, videro qualcosa di insolito sotto di loro. C'erano persone a cavallo che correvano caoticamente su un enorme campo, cercando di sottrarsi l'un l'altro qualcosa che sembrava un sacco pieno zeppo. Il pilota spiegò all'americano stupito che doveva esserci una grande festa nel villaggio, forse un matrimonio, e per l'occasione avevano organizzato una gara di quello che è lo sport più amato dai tagiki. Il sacco era la carcassa di una capra. Il pilota chiese di fermarsi un po' per approfondire la conoscenza di quell'interessante usanza popolare.

Così fecero. Furono accolti con gioia. La festa proseguì.

L'americano imparò davvero molto sia sulle usanze popolari sia sulle tradizioni culinarie dei tagiki (vd.).

Quando finalmente raggiunse la metà del suo viaggio, era entusiasta di raccontare ai suoi amici sismologi ciò che aveva visto.

- È così interessante! - esclamò. - Terribilmente interessante! Ma la cosa più importante! Immaginate: c'erano soltanto tagiki! Esclusivamente tagiki! E solo due russi: io e il pilota!

Таджики

Во времена моего детства и юности Душанбе (во всяком случае, его центральная часть) представлял собой почти совершенно русский город.

В моем школьном классе учился только один таджик – по имени Фарход и по кличке (см.)

Tagiki

Durante la mia infanzia e gioventù, Dušanbe (almeno per quanto riguarda il centro) era una città quasi del tutto russa.

Nella mia classe c'era un solo tagiko, di nome Farchod e di soprannome (vd.) Fedul. Il ragazzo era un anello stabile e affidabile nella

Федул. Он был надежным звеном нашей дружеской цепи, но ничего специфически таджикского через него в нашу русскую жизнь не поступало. Сам он, как теперь сдается, не любил разговоров о чем бы то ни было, касавшемся его национальности, а нам и в голову не приходило поинтересоваться, каков уклад таджикской семьи, или нахвататься между делом его родной речи. Нам его родная речь была совершенно ни к чему. Напротив, само собой разумелось, что таджикам следовало учить русский. Тогда это выглядело аксиомой. Позже я понял, что имел дело с финальным аккордом теоремы. Логические обоснования ее доказательства сводились к тому, что через русский язык лежала дорога к образованию, карьере и европейскому стилю жизни (если можно так выразиться, рассуждая о делах советской эпохи).

Почти все сведения о таджиках поступали к нам через взрослых.

Конечно, взрослые тоже не знали языка, не интересовались чуждым народом, очень удивились бы, услышав, что в подобном интересе нет ничего зазорного, и нашли бы множество аргументов, чтобы доказать обратное. Для них жизнь таджиков тоже текла как бы за стеклянной стеной, из-за которой не доносилось ни единого живого голоса. Однако им все же приходилось контактировать с таджиками по работе, и умозаключения, сделанные ими после этих контактов, тем или иным образом перетекали к нам.

В результате складывалось впечатление (оно было очень смутным, это впечатление, ведь никто не был озабочен тем, чтобы ясно выразить его), что народ таджиков – это народ инвалид, который без русских не может сделать и шагу. Народ-слепец, поводырем которого являются русские. Народ-ребенок, без взрослой русской помощи не способный даже на самые простые решения и действия. Народ, сплошь состоящий из безответственных, хитрых, неряшливых торгаши, за которыми, как говорится, глаз да глаз. Может быть, я не совсем точно передаю это впечатление – в нем много оттенков, иные из которых противоречили друг другу, – но в общих чертах

nostra catena di amicizie, tuttavia, non ha portato nulla di specificamente tagiko nella nostra vita russa. Persino lui, a ripensarci oggi, evitava di parlare di qualsiasi argomento che riguardasse la sua nazionalità, e a noi non è mai passato per la testa di indagare sullo stile di vita di una famiglia tagika, né di provargli a chiedere di dire qualcosa nella sua lingua natale. Noi non sapevamo assolutamente che farcene della sua lingua natale. Al contrario, era scontato che i tagiki dovessero imparare il russo. All'epoca sembrava un assioma. Più tardi mi resi conto che si trattava dell'accordo finale di un teorema. Le motivazioni logiche della sua dimostrazione erano che attraverso la lingua russa si apriva la strada verso la formazione, la carriera e lo stile di vita europeo (se così si può dire, parlando dell'epoca sovietica).

Quasi tutte le informazioni sui tagiki ci arrivavano dagli adulti.

Nemmeno gli adulti naturalmente ne conoscevano la lingua, non si interessavano a un popolo diverso dal loro e sarebbero stati molto sorpresi nel sentire che non ci sarebbe stato niente di male a interessarsene, e avrebbero trovato numerosi argomenti per dimostrare il contrario. Per loro la vita dei tagiki scorreva come dietro una parete di vetro, attraverso la quale non giungeva alcuna voce vivente. Tuttavia, per lavoro dovevano in ogni caso stabilire un contatto con i tagiki e le conclusioni che traevano da questi contatti arrivavano in qualche modo anche a noi.

Di conseguenza, si era formata l'impressione (molto vaga, perché nessuno sembrava interessato a esprimerla chiaramente) che il popolo tagiko fosse un popolo-disabile, incapace di muovere qualsiasi passo senza l'aiuto dei russi.

Un popolo-cieco, la cui guida erano i russi. Un popolo-bambino, incapace, senza l'aiuto di un adulto russo, delle decisioni e delle azioni più semplici. Un popolo costituito esclusivamente da commercianti irresponsabili, furbi e sciatti, ai quali, come si dice, bisognava stare all'occhio. Forse non riesco a rendere con precisione questa impressione (ha molte

похоже. По большей части все это были проявления наивного национализма (см.).

Надо отметить, что в нашей семье каждый выезд за пределы Таджикистана (это происходило во время родительских отпусков) приводил к некоторой перемене во взглядах, и та глубокая уверенность, что в России лучше и русские лучше, да хоть бы даже и не лучше, а все-таки они русские и уже одним этим несказанно хороши, несколько склокоживалась. Вера сталкивалась с мелочной практикой и, как это часто бывает, давала трещину.

Так, например, однажды в городе Саратове отец увидел, как грузчик, скинув с борта грузовика мешок с огурцами к порогу овощного магазина, тут же на этот мешок сел и стал неторопливо закуривать.

Отец, весь прежний опыт которого, почерпнутый на таджикских базарах, говорил ему, что человек никак не должен и никак не может сидеть на мешке с огурцами, обеспокоился их судьбой и, обратившись к грузчику, спросил:

— Мужик, ты что ж это на огурцы-то сел?!

На что тот, повернув голову, невозмутимо ответил:

— А на каво я сяду? На тебя, что ли?..

Потом все переменилось. Таджикский народ взял, как говорится, свою судьбу в собственные руки. Разумеется, это привело к огромным несчастьям, жертвам, подлости и обманам. Однако стало понятно, что судьба его — вовсе не судьба инвалида или слепца. Точнее, такого же слепца и инвалида, как все народы, неспособные оградить свои интересы от посягательств сильных мира сего. Как все. Ничуть не слепее и не инвалидней.

Зато русские, брошенные Россией на произвол судьбы в пылающем Таджикистане, оказались хуже детей, и не было, насколько мне известно, ни одной попытки разумного объединения и выдвижения лидера, способного на равных

sfumature, alcune delle quali si contraddicono a vicenda), ma a grandi linee era così. Per la maggior parte, si trattava di manifestazioni di nazionalismo ingenuo (vd.).

Occorre notare che, per la nostra famiglia, ogni viaggio al di fuori del Tagikistan (che avveniva durante le vacanze dei genitori) portava a un certo cambiamento di vedute, e quella profonda convinzione che in Russia si stesse meglio e che i russi fossero migliori, o magari non migliori, ma comunque russi e già solo per questo necessariamente buoni, si ridimensionava un po'. La fede si scontrava con la prassi spicciola e, come spesso accade, ne risultava incrinata.

Per esempio, una volta, nella città di Saratov, mio padre ha visto che uno scaricatore, dopo aver gettato dal camion un sacco di cetrioli sulla soglia di una bottega che vendeva verdure, ci si è seduto direttamente sopra e ha cominciato a fumare placidamente.

Mio padre, a cui tutta l'esperienza precedente, accumulata nei bazar tagiki, diceva che un uomo non doveva e non poteva sedersi su un sacco di cetrioli, era preoccupato della loro sorte e, rivolgendosi allo scaricatore, gli ha chiesto:

— Ma perché ti sei seduto sui cetrioli?!

E quello, girando la testa, gli ha risposto con disinvolta:

— E allora? Non mi sono mica seduto su di te...

Poi ogni cosa è cambiata. Il popolo tagiko ha preso, come si suol dire, il proprio destino nelle proprie mani. Senza dubbio, questo ha portato a grandi disgrazie, vittime, meschinità e inganni. Tuttavia, si è capito che il suo destino non era quello di un disabile o di un cieco. Per essere più precisi, era cieco e disabile come tutti i popoli incapaci di proteggere i propri interessi dalle ingerenze dei potenti della terra. Era come tutti. Né più cieco, né più disabile.

In compenso i russi, abbandonati dalla Russia al loro destino in un Tagikistan in fiamme, si sono

вести разговор со стихией.

Только бегство! – причем бегство унизительное, неподготовленное, бегство в русские края – да, русские, но источавшие преимущественно враждебность и неприятие: “Ишь понеахали!..”

Мама и бабушка покинули Душанбе в 1995 году.

И теперь, когда на фоне воспоминаний о чисто метенных улицах, о мальчишках с ведрами и вениками, брызгающих водой на плотную глину, чтобы подмести ее снова, и о многом, многом, многом, что составляло Атлантиду (см.) нашей тамошней жизни, – когда на фоне этих воспоминаний мимо окна с шумным шорохом проносится пакет с мусором, брошенный с какого-то верхнего этажа, чтобы пополнить богатства загаженного газона, мама, подняв на меня возмущенные глаза, разводит руками и говорит:

– Ну честное слово! Хуже таджиков!

rivelati essere peggio di bambini e non c'è stato, per quanto ne so, un solo tentativo di proporre una ragionevole unione, né di trovare una figura di riferimento capace di dialogare con tutte le parti in causa su un piano di parità.

Soltanto la fuga! Una fuga umiliante, improvvisata, la fuga verso le terre russe; sì, russe, ma che trasudavano principalmente ostilità e disprezzo: “Ma guarda chi è arrivato qui! ...”.

Mia madre e mia nonna lasciarono Dušanbe nel 1995.

E ora, quando sullo sfondo dei ricordi di strade ben pulite, dei ragazzini che con i secchi e le scope versavano acqua sull'argilla compatta per poi spazzarla di nuovo, e di molte, molte, molte altre realtà che costituivano l'Atlantide (vd.) del nostro vissuto in quel luogo; quando, sullo sfondo di tali ricordi, con un fruscio rumoroso un sacchetto di spazzatura, gettato da qualche piano superiore, passa davanti alla nostra finestra per arricchire ulteriormente il giardino insozzato, mia madre, alzando gli occhi indignati verso di me, allarga le braccia e dice:

- Guarda, onestamente! Peggio dei tagiki!

Атлантида

Однажды загудела земля, предвещая дрожь и конвульсии; страшной судорогой свело ее косное тело, стало оно колоться, и раскаленная магма поперла из трещин. Скоро прогнулась казавшаяся столь незыблемой материковая плита, превращаясь в глубокую чашу исторической геосинклинали (см. Каротаж), – и нахлынули в котловину волны времени. Камнекрушающими потоками врывались они на площади, ломая деревья и стены, с душемертвящим ревом катились по улицам... Похватав что попадя, в ужасе бежали от них несчастные жители града обреченного, – но разве можно ускользнуть от посланцев такой стихии?.. Пенные волны истории догоняли беглецов: то одного за другим, а то и целую толпу; обрушивалась на их смятенные головы

Atlantide

Un giorno la terra cominciò a emettere boati che preannunciavano tremore e convulsioni; un terribile spasmo scosse il suo corpo inanimato, iniziò a perforarsi, e il magma rovente sgorgò dalle fessure. Ben presto la placca continentale, che in precedenza sembrava così immutabile, si ritirò, trasformandosi in una profonda conca di geosinclinale storica (vd. Carotaggio), e nel bacino si riversarono le onde dei tempi. Come torrenti che frantumavano le pietre si precipitarono nelle piazze, spezzando alberi e mura, rovesciandosi per le strade con un fragore che devastava gli animi... Arraffando quel che capitava, in preda al terrore, gli sfortunati abitanti della città condannata cercavano di sfuggirgli, ma come avrebbero potuto sottrarsi ai messaggeri di una simile furia degli elementi?

украшенная белым буруном лапа вала и, растерзав податливое прошлое, бросала очередное вывернутое душой наизнанку тело корчиться на холодном песке дальних прибрежий...

Когда зыби, с разных сторон накатив и заполнив чашу, схлестнулись друг с другом, порождая бурнокипящие смертонесущие воронки пучин, на прыщущую брызгами поверхность мало-помалу утихающих вод всплыло все, что осталось: кочан подгнившей капусты, полтора кило желтой моркови, пара засаленных тюбетеек, несколько мутных фотографий и конвертов (совсем бесполезных, поскольку влага жадно слизывала с них расплывающиеся буквы) и прочий вовсе уж несущественный сор. А казан, капкир (см. Зиё), стеклянная поллитровка хлопкового масла, ура-тюбинский нож из честной "волговской" рессоры и все-все-все осталльное навечно осталось на дне...

Короче говоря, города, в котором я появился на свет, самого уж давно нет на белом свете.

Голос наши тих – это плецет волна,

Слышишь, как бьется и шепчет она:

Больше уж вы не увидите солнца –

Солнцем вы все насладились сполна.

Сравнивай нас с голубыми глазами,

Мы не водою покрыты – слезами.

Что там на дне, под волной голубою? –

Господи, мы уж не помним и сами!..

Здесь не взойдет больше память о предках

Маками в поле и птицы на ветках

Не запоют, призывая на волю

Кекликов (см.) в их разукрашенных клетках.

Le schiumose onde della storia raggiunsero i fuggitivi: ora uno alla volta, ora un'intera folla; la zampa del cavallone, ornata di una bianca onda spumosa, si abbatté sulle loro teste sconvolte e, dopo aver dilaniato il fragile passato, gettò l'ennesimo corpo, rivoltato nell'anima, a contorcersi sulla fredda sabbia di litorali lontani...

Dopo aver sommerso e colmato il catino da diversi versanti, quando le onde si riunirono, generando i ribollenti crateri mortiferi dell'abisso, sulla superficie, increspata dagli spruzzi delle acque che lentamente si placavano, affiorò tutto ciò che era rimasto: Un cavolo marcio, un chilo e mezzo di carote gialle, un paio di *tubetejke* insudicate, alcune fotografie e buste fangose (del tutto inservibili, dato che l'umidità ne aveva avidamente leccato via le lettere sbiadite) e altra spazzatura ormai insignificante. E il *kazan*, il *kapkir* (vd. Ziё), la bottiglia di vetro da mezzo litro contenente olio di cotone, il coltello *ura-tjubinskij* ricavato da una rispettabile molla "volgovskaja" e tutto, proprio tutto il resto, rimase per sempre sui fondali...

In breve, la città in cui mi misero al mondo, è ormai da molto tempo scomparsa dal mondo stesso.

Quieta la nostra voce: l'onda sciaborda,

Senti, come pulsà e sussurra:

Ormai non rivedrete più il sole,

ne avete già goduto appieno.

Paragonaci ad azzurri occhi,

Non siamo coperti d'acqua, ma di lacrime.

Che c'è sul fondale, sotto l'onda azzurra?

Oddio, neppure noi lo ricordiamo!

Qui più non sorgerà la memoria degli avi

Coi papaveri nei campi e gli uccelli sui rami

Плавают молча холодные рыбы

Там, где влюбленных мы прятать могли бы.

Где они все? – их мечты и волненья

Стаей форелей забились под глыбы...

Мой друг думал, что пишет жалобу от имени кишлаков, оставшихся под водами Нурекского моря.

Мог ли он знать, что речь в этих стихах (см.) идет о другом, о совсем другом?..

Non canteranno, invocando la libertà

Le pernici (vd.) nelle gabbie pitturate.

Nuotano in silenzio i freddi pesci

Là dove noi potremmo nascondere gli innamorati.

Dove sono tutti? I loro sogni e turbamenti

Nascosti sotto a un masso, come un banco di trote...

Il mio amico pensava di scrivere una denuncia a nome dei villaggi abbandonati sotto le acque del Mare di Nurek.

Avrebbe potuto immaginare che questi versi (vd.) si riferiscono a qualcos'altro, a tutt'altro...?

